

DOI 10.25991/VRHGA.2022.3.2.012

УДК 1 (091)

еп. Виктор (В. Ф. Сергеев)*

**ДЕСТРУКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ
ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ:
ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ
И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Виртуальность информационного мира создает иллюзию свободы от норм и социальных ценностей, человек оказывается в ситуации бесконечности выбора идентичностей и мотивации. Однако неопределенность порождает деструктивные феномены, в зоне риска оказывается сам человек и его психологические и антропологические характеристики.

Ключевые слова: современность, антропология, субъектность, риски, идентичность, ценности, мотивация.

Bishop Victor (V. F. Sergeev)

*DESTRUCTIVE FACTORS OF PERSONAL IDENTITY:
PHILOSOPHICAL, ANTHROPOLOGICAL AND AXIOLOGICAL ASPECTS*

The virtuality of the information world creates the illusion of freedom from norms and social values, a person finds himself in a situation of infinite choice of identities and motivation. However, uncertainty generates destructive phenomena, the person himself and his psychological and anthropological characteristics are at risk.

Keywords: modernity, anthropology, subjectivity, risks, identity, values, motivation.

Современное общество предоставляет человеку открытое поле для построения образа своего «Я», конструирования целой системы ценностей и смысловых векторов. Во многом такая открытость — не только дань эпохе, которая обнаруживает либеральные идеи в состоянии «перезрелости» и перверсии. Понятие открытости — одно из базовых в онтологии и антропологии развертывания субъектности. Западноевропейская мировоззренческая кон-

---

* епископ Виктор (Сергеев В. Ф.), Русская христианская гуманитарная академия;
aspirantura@rhga.ru

станта, описанная еще Пико делла Мирандола: «Тогда принял Бог человека как творение неопределенного образа и, поставив его в центре мира, сказал: “Не даем мы тебе, о Адам, ни определенного места, ни собственного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно твоей воле и твоему решению”» [1, с. 507].

Сегодня всякая пред-определенность личностной идентичности, будь то символическая, ценностная или социальная, в парадигме абсолютной свободы человека, видится как ограничение самих качеств человечности. Так, в статьях 1996 года, «Норма и ее неопределенность» и «Норма должна исчезнуть», известный «деконструктор» Ж. Деррида обращается к парадоксу свободы: условие существования свободы и ответственности — не-существование или отсутствие норм.

Однако легко ли существовать человеку в ситуации такого рода свободы?

Мишель Фуко, который посвятил огромное количество текстов анализу дисциплинарного общества, утверждает, что оно осталось в прошлом и сегодня мы имеем дело с обществом контроля. Эта мысль появилась у него в двух лекционных курсах: «Безопасность, территория, население» [7] и «Рождение биополитики» [8]. В них он анализирует феномен контроля в дискурсе развития либерализма. Философ утверждает мысль об избытке свободы, о бесконечных возможностях либерализма на современном этапе учитывать множественные интересы, при этом разрабатывая новую, гибкую систему контроля.

Обратите внимание на то, что указанная М. Фуко подобная «либеральная политика» оказывается возможна именно в информационном обществе, где соединение либерализма и контроля достигает своего максимального выражения. Эти два феномена существуют неразрывно: без механизмов информационного общества невозможно представить себе и «общество тотального контроля», так же как и либерализм в полной мере раскрывается и достигает невероятных вершин именно в эпоху информационного общества. Уже сегодня мы видим, как преобразуются понятия личного и общественного, частного и медийного, индивидуального и группового.

Включение человека в глобальные сети привело к размыванию границ между домашними, локальными, городскими, региональными, национальными, транснациональными областями. Частное пространство человека становится интерактивным узлом, постоянно подключенным к мощному потоку информации, форпостом публичности. Само пространство с его географическими ландшафтами, особенностями архитектуры, культурными и историческими коннотациями теряет свою структуру и иерархию. Центр и периферия больше не разграничены социально-классовыми условиями, люди относительно свободно выбирают пространство своего обитания, разрастаются пригороды, резко отличающиеся по условиям проживания, где состоятельным отведены элитные (коттеджные и разреженные), а малоимущим — доступные (многоэтажные и плотно застроенные). Почти каждый фрагмент реальности насыщен уличными экранами, компьютеризированными системами слежения и регулирования дорожного движения, электронными камерами наблюдения, что способствует теснейшему переплетению человека, пространства его обитания

и современных медиа, по-новому связывающих место и опыт, известное и неизвестное, свое и чужое [2].

Иллюзия аксиологической освобожденности человека от ограничений (при повышении элементов технологического контроля), с новой остротой ставит вопросы о построении и образа самого человека, и выбора мировоззренческих векторов. Когда мы говорим о таком качестве человеческой субъективности, как стремление к безграничному саморазвертыванию, мы, как правило, в стороне оставляем понятие цели. Однако никакой процесс не может быть оценен как развитие или становление без определенности назначения и смысла. Если человек не стремится к достижению чего-то конкретного, он, тем не менее, всегда желает быть замеченным другими — т. е. он неизбежно нуждается в свидетельствах своего присутствия.

Бенно Хюбнер (Benno Hubner) начал свои исследования современности в рамках докторской диссертации с «говорящим» названием «Скука и бессмысленность сегодняшнего существования» (1962). В одной из своих более поздних статей он отмечает, что у человека есть метафизическая потребность — «трансцендировать свое Я» [9]. Речь идет о том, что в природе человека заложена потребность не только в собственном бытии, но и в обретении смысла этого бытия. На примере Ф. Ницше он показывает, что отсутствие каких-либо артикулированных определенных смыслов и ценностей приводит человека к попытке обрести смысл через ничто: *horror vacui* (лат. страх пустоты) заставляет его от позиции «не хочу ничего» перейти к суждению «хочу ничто».

В своей работе «Смысл в бес-СМЫСЛЕННОЕ время» Хюбнер приводит чрезвычайно тонкое и точное наблюдение о специфике восприятия человека, одержимого волей к ничто: «...смыслом делается просто действие как таковое, действие ради действия... Упоение действием способно на какой-то момент снять ничто, пустоту в душе. Но не всякое действие имеет силу экзистенциального доказательства ввиду тотального затмения СМЫСЛА/смысла. Действие должно быть увидено, вопль должен быть услышан. Действие должно быть воспринято другими людьми как свидетелями, и, таким образом, опосредованно, на преступника должны обратить внимание. Сенсационность действия подтверждает преступнику через других людей, что он существует» [10, с. 138–139].

Это наблюдение Б. Хюбнера актуально и в контексте осмысления феноменов селфи, видеоблогерства и т. п. Сегодня потребность в обозначении своей субъектности приобрела тотальный характер как протестная реакция на утрату определенности человека и его ценностей. Быть замеченным обществом — вне-аксиологическая тенденция современности.

В отношении межкультурных и межцивилизационных процессов такое же желание «быть замеченным» может толкать лиминальные группы и персоны к агрессивным социальным действиям. И чем больше внимания этим выпадениям из нормальной «человечности» уделяют СМИ и социальные сети, тем больший эффект обратной связи получает преступник: внезапно он оказывается не маргинальной персоной, а «героем» или «звездой», пусть даже с негативными коннотациями.

Здесь следует отметить, что для актора экстремистских действий преступление имеет двойное значение: с одной стороны, оно внедряет в нейтраль-

ную смысловую реальность смысл, пусть и отрицательный, и одновременно фиксирует и самого актора как субъекта события. Соответственно, глубинные истоки экстремизма коренятся и в утрате определенности ценностей бытия, и в пассивном и антисоциальном статусе субъекта-источника преступных действий.

Эмиль Паин, руководитель Центра по изучению ксенофобии и предотвращению экстремизма Института социологии Российской академии наук отмечает, что экстремизм не имеет прямой корреляции с низким уровнем экономического или культурного развития или с какими-то специфическими религиозными факторами: «В замкнутых, застойных обществах, например у бушменов Южной Африки или у индейцев майя в Мексике, находящихся на крайне низких уровнях экономического и социального развития, нет ничего похожего на политический экстремизм, а тем более терроризм. Вместе с тем эти явления заметны в обществах, вступивших на путь трансформаций, и концентрируются в маргинальных слоях социума, характеризующихся причудливым сочетанием традиционных и новых черт культуры, неполным изменением статуса и условий жизни» [5, с. 114].

Действительно, актуальные социологические и психологические исследования подтверждают, что состояния агрессивности, склонности к разного рода девиациям, аддиктивные синдромы — это качества современного общества и современного человека вне зависимости от уровня жизни и образования.

В динамично меняющихся условиях современности, как никогда раньше, актуализируется проблема «телесности»: телесность рассматривается и в контексте ее погруженности в информационный поток, и в контексте утраты психофизиологической гармонии, и даже в контексте властных отношений. Еще Марсель Мосс, французский антрополог, обратил внимание на то, что физическое тело оказывается крайне зависимо от социокультурного окружения [4]. Все, вплоть до походки, детерминировано культурным текстом. Иными словами, физическое тело не самостоятельно: оно, во-первых, имеет свойство меняться само под влиянием внешних сил, а во-вторых, изменяет механизмы саморепрезентации в зависимости от контекста, в который оказывается погружено. И в наши дни вполне уместно ставить вопрос о соответствии этого культурного контекста естественным потребностям физического тела и, возможно, о выработке механизмов его «освобождения». Марсель Мосс писал о телесных практиках, которые человек приобретает с рождения. Он указывал на то, что телесные практики социальны и называл их *habitus* — привычкой, передающейся с помощью памяти и формирующейся в зависимости от набора определенных условий. *Habitus* варьируются «главным образом в зависимости от различий в обществах, воспитании, престиже, обычаях и модах» [4, с. 37]. Так телесность «формируется» в процессе социализации, и в реальной повседневной практике мы имеем дело с некоей «культурной телесностью».

Поскольку физическое тело подчинено социальному, а последнее, как уже было сказано, помещено в контекст информационного общества и оказывается крайне уязвимым по причине размытости его границ в связи с всепроникающим информационным шумом, то мы не можем говорить о безопасности и физического тела. Гармония физического и социального в современном жизненном

пространстве человека нарушена, что приводит к психофизиологической дисфункции. В попытках вернуть утраченную гармонию, избежать несанкционированного вторжения в пределы собственной телесности, мы все чаще сами разрабатываем механизмы формирования и укрепления границ своей личности.

Деструктивные действия по отношению к собственному телу становятся частью подобных стратегий. «В этом свете нет ничего удивительного в том, что значительная часть патологий семьи состоит в проблемах границ, таких как анорексия, нарциссизм, злоупотребление наркотиками и инцест. Речь идет о границах, которые нарушаются, и стратегиях отчаяния, направленных на то, чтобы взять под контроль собственную внутреннюю территорию, которая для этого может заполняться, опустошаться, увеличиваться и уменьшаться», — пишет социальный антрополог Тиан Серхауг [6, с. 31]. Иными словами, в какой-то степени продолжая и дополняя мысль М. Фуко, мы можем говорить не столько об обществе контроля, сколько об обществе самоконтроля.

В современном мире меняется не только статус физического тела — происходит кардинальная переоценка ментальных практик и поведенческих моделей. Вряд ли у кого-то может вызвать сомнение тот факт, что определенная модель поведения, которая помещена в пространство культурной нормы в одном социокультурном окружении, может оказаться в поле девиантного в другом социокультурном окружении. С другой стороны, если, пройдя определенный путь, данная модель поведения трансформирует социокультурное окружение, то она естественным образом уже не будет считаться девиантной. Исследователи все больше обращают внимание на контекст психических расстройств и того, что не попадает в пределы «нормы». Ведь именно некие общепринятые культурные ценности фактически и определяют, является ли поведение девиантным. Причем происходит это не только на уровне обыденного сознания, но и на уровне профессиональных, в данном случае психиатрических, оценок. «Изучая расовые различия в психиатрической диагностике, Уэйли отмечает, что вопросы диагностики связаны с одним из двух моментов: а) гипотезой о наличии предубеждений клинициста или б) гипотезой культурной относительности» [3, с. 429]. Речь идет опять же о культурной детерминированности работы психиатров, которые руководствуются, прежде всего, существующими представлениями о норме и девиации в данной культуре.

В этой связи психиатры обратили внимание на такой феномен, как культурно-связанный синдром (вариант — культурно-определяемый синдром). Данное словосочетание используется для обозначения определенных телесных практик, которые являются результатом изменения ментального состояния человека и выходят на поверхность именно в ситуации дистресса [11, с. 116–121].

Речь идет о том, что те или иные психосоматические состояния возникают лишь при столкновении представителей различных культур, т. е. при возникновении ситуации интеракции. Девиантное психосоматическое состояние может вообще никак не проявляться в привычной повседневной жизни в естественных, знакомых с детства условиях обитания. Чаще всего подобные состояния проявляются в случае столкновения представителя «традиционного» сообщества с трансляторами «современной постиндустриальной культуры».

Иными словами, подобный культурно-связанный синдром является ярким примером защитного механизма личности при ее столкновении с внешней средой, воспринимаемой по тем ли иным причинам как агрессивной.

Современность как смысловое поле, с одной стороны, освобождающее человека от требований традиционных норм и ценностей, а с другой — погружающее личность в ситуацию бесконечности выбора или отсутствия целей и мотивации, оказывается особым жизненным вызовом, который человек вынужден принимать и искать механизмы и аргумента ответов. Если ранее сама социальная структура позволяла человеку найти защитные инструменты, то новая информационная реальность либо ставит личность в ситуацию тотального одиночества, либо погружает в воображаемые реальности групповых идентичностей, виртуальных и фантазийных миров. В поисках «эскапического» выхода из невыносимой экзистенции, многие обнаруживают себя уже в сетях аддиктивных практик.

Ряд исследований показывают, что преодоление аддикций тесно связано с восстановлением аксиологической сферы. А значит, человеку совершенно необходимо опровергнуть и тезис об абсолютной свободе саморазвертывания субъектности, и популярные слоганы о том, что «норма должна исчезнуть».

ЛИТЕРАТУРА

1. Джованни Пико дела Мирандола. Речь о достоинстве человека // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли: В 5 т. — Т. 1. — М.: Изд. АН СССР, 1962.
2. Маккуайр С. Медийный город: Медиа, архитектура, и городское пространство / Пер. с англ. — М.: Strelka Press, 2014.
3. Мацумото Д. Психология и культура / Под ред. Д. Мацумото. — СПб.: Изд.: Питер, 2003.
4. Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / Сост., пер. с фр., предисл., вступит. ст., коммент. А. Б. Гофмана. — М.: КДУ, 2011.
5. Паин Э. А. Социальная природа экстремизма // Общественные науки и современность. — 2002. — № 4. — С. 19–32.
6. Скэрдеруд Ф. Беспокойство. Путешествие в себя / Пер. с норв. М. Эскина. — Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2003.
7. Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций // Центр гуманитарных технологий. — URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/doc/6693> (дата обращения: 28.08.2022).
8. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций. // Центр гуманитарных технологий. — URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/doc/6709> (дата обращения: 28.08.2022).
9. Хюбнер Б. Произвольный этос и принудительность эстетики / Пер. с нем. — Мн.: ПроPILE, 2000.
10. Хюбнер Б. Смысл в бес-СМЫСЛЕННОЕ время: метафизические расчеты, просчеты и сведение счетов / Пер. с нем. А. Б. Демидов. — Мн.: Экономпресс, 2006.
11. Чукуров А. Ю. Механизмы самоадаптации личности как причины социокультурных трансформаций // Terra Humana. Общество. Среда. Развитие. — 2015. — № 4. — СПб.: Астерион, 2015. — С. 116–121.